

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. Проанализировано соотношение между моделями социальной политики и особенностями социально-экономической системы конкретного общества. Автор рассматривает некоторые трудности перехода от принципов социальной опеки, присущей советской социально-экономической системе, к принципам социальной защиты.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, социально-экономическая система, патернализм в экономических отношениях.

Abstract. The article analyzes the correlation between the models of social policy and the peculiarities of the social-economic system of a particular society. The author considers the challenges of transfer from the principles of social custody, characteristic of the soviet social-economic system, to the principles of social security.

Key words: social policy, social security, social-economic system, paternalism in economic relations.

В содержании всех проблем общественно-экономического развития практически всегда присутствует социальная составляющая. Это особенно относится к проблемам, которые должны решаться в ходе трансформации социально-экономического строя. Социальная политика в реформируемом обществе призвана решать целый комплекс особенно сложных и иногда противоречивых задач, и от ее результативности зависит очень многое. Можно сказать, что содержание социальной политики и ее результаты в очень большой степени участвуют в формировании модели экономической системы, принципов ее существования. Современные российские экономисты совершенно справедливо подчеркивают в этой связи, что «...важнейшей основой экономики является человеческая доминанта, социальная справедливость» [1, с. 83].

В свою очередь принципы функционирования каждой социально-экономической системы не могут не влиять на содержание социальной политики – и не только с точки зрения объема социальных льгот, предоставляемых государством, но и с точки зрения самого характера социально-экономических взаимоотношений в системе «государство – общество», реализуемых в данной сфере.

Исторически сложилось так, что социальная политика в нашей стране чаще всего ассоциируется исключительно с проблемами социальной защиты населения. Так называемая «социалка» традиционно воспринимается как сфера, связанная с проблемами малоимущих, пенсионеров, инвалидов, «чернобыльцев», больных и т.д. Это особенно характерно для регионального общественного мнения. Действительно, при всем многообразии факторов, которые оказывают влияние на уменьшение бедности в регионах, можно отметить, что справиться с бедностью основной группе регионов не удастся, и ее уровень остается очень высоким. Именно он, прежде всего, порождает избыточное экономическое неравенство в регионах [2, с. 59].

Тем не менее такое сужение данного понятия вряд ли продуктивно. Основные принципы социального государства предполагают не только заботу властей о минимально достойном уровне жизни для тех категорий населения, которые по каким-то причинам не могут самостоятельно приспособиться к жестким условиям рынка. В самом полном смысле этого слова «социальность» государства означает его ответственность за воспроизводство социальной солидарности, его готовность и способность влиять на социальную структуру таким образом, чтобы «конфигурация» этой структуры не выводила общество из зоны стабильности.

При этом стоит подчеркнуть, что в современных условиях социальное государство по определению представляет собой своеобразный синтез несовпадающих и в некотором смысле противоречивых принципов. Она направлена на достижение компромисса между принципом повышения эффективности производства и соблюдением нравственных критериев распределения [3, с. 129].

Цель социальной политики российского государства – формирование социально благополучного общества, в котором нет нищеты и чрезмерных разрывов в доходах различных групп населения, достигнут достойный жизненный уровень и качество жизни, налицо достаточная степень общественного согласия и общественной солидарности, а социальные противоречия разрешаются без острых конфликтов. Вместе с тем нельзя забывать и о чисто экономических функциях социальной политики: та же избыточная бедность может напрямую ухудшать экономическую атмосферу в обществе, сужая объем платежеспособного спроса на целый ряд товаров и услуг, а также провоцируя формирование так называемых «теневых рынков».

Миссией государства в современном обществе является обеспечение его существования в условиях баланса, компромисса множества индивидуальных и групповых социально-экономических интересов [4, с. 39]. Она по своей природе социальна, так как связана с созданием условий для достижения общих целей и сохранения коллективных форм человеческого бытия при обеспечении экономической свободы и максимальной реализации потенциала граждан и их ассоциаций.

Анализ процессов становления социального государства свидетельствует о том, что постепенная трансформация классического либерального государства со временем привела к изменениям фундаментального характера, затронувшим основы функционирования государства и изменившим его предназначение в обществе. Позиция полного невмешательства государства в сферу регулирования социально-экономических отношений сменилась новой формой организации государства, в соответствии с которой его основной целью стало обеспечение достойных условий жизни для всех членов общества за счет расширения социальных функций посредством использования множества рычагов воздействия на социально-экономическую сферу. Используя эти рычаги, поддерживая частную инициативу и ответственность граждан, социальное государство создает условия для обеспечения справедливости в сочетании частных интересов и интересов всего общества через механизмы рынка, не допуская высокого социального расслоения общества и сильного разрыва в уровне жизни граждан [4, с. 39].

В процессе формирования социального государства постепенно отработывались и закреплялись основные формы государственного вмешательства (правовое и финансовое регулирование, перераспределение общественных ресурсов, производство социальных услуг и т.д.). Институционализировались способы и механизмы регулирования социально-экономических отношений, среди которых: перераспределение и регулирование доходов и заработной платы; регулирование занятости и безработицы; поддержка частной инициативы и малого предпринимательства; развитие обязательного социального страхования, систем социального обеспечения, помощи малоимущим и нетрудоспособным гражданам, систем пенсионного обеспечения, государственных систем образования и здравоохранения.

Проблемы, стоящие перед современной Россией в данной сфере, весьма специфичны, прежде всего в силу того, что у нас имеет место достаточно резкий переход от радикально-патерналистской социально-экономической системы к либеральной, что не может не вызывать появления целого ряда сложностей социокультурного характера. С этой точки зрения стоит детально рассмотреть различия между моделями социальной политики в условиях советского и современного российского обществ.

Советская модель социальной защиты соответствовала основным стандартам традиционного общества и основывалась на патерналистских принципах. Суть этих принципов заключалась в том, что в обществе как бы воспроизводилась атмосфера большой патриархальной семьи, в которой роль «отца», «хозяина» играли государственные и окологосударственные институты. При господстве подобных представлений, с одной стороны, от государства ждут определенной заботы о своих подданных, а с другой – воспринимают как должное претензии власти на своеобразный моральный надзор за гражданами, на некоторую долю деспотизма. И уровень заботы, и уровень деспотизма при этом регулируются в основном негласными традициями, обладающими сильнейшей принудительной силой как по отношению к подданным, так и по отношению к представителям власти.

Эта сила наиболее ярко проявлялась в том, что издавна существующие порядки и достижения (в том числе уровень социальной защиты) с огромным трудом подвергаются пересмотру даже в условиях, когда они вроде бы становятся излишними, неуместными и т.д. Характерный пример – отказ советского руководства от повышения цен на основные продукты питания в ситуации, когда рост платежеспособного спроса обгонял рост производства этих продуктов: массовый дефицит, очереди, знаменитые «колбасные электрички» и даже элементы нормированного распределения воспринимались как меньшее зло благодаря тому, что они оказались более укоренены в советской традиции, чем резкое или постоянное повышение цен (заметим, что во многих европейских коммунистических странах дело обстояло прямо противоположным образом – но опять же в силу явной «нетрадиционности» массовых очередей в этих странах). Аналогичные причины обуславливали и такое общеизвестное явление, как многолетнее сохранение исключительно низкой квартплаты в СССР. Разумеется, свою роль играло и пропагандистское противостояние между советской системой и Западом, но, по нашему мнению, эта роль в данном случае была второстепенной.

Еще одним проявлением силы традиций в патерналистской системе являлся фактический приоритет традиций перед законом в тех случаях, когда речь шла о сложившемся образе «заботливого отца» в лице государства либо его представителей. Скажем, многие помнят явное несоответствие между довольно жестким содержанием известной статьи 33 советского КЗОТ, которая позволяла администрации увольнять работника после двух зафиксированных нарушений трудовой дисциплины в течение года, и реальной правоприменительной практикой по данной статье: на самом деле быть уволенным «по тридцать третьей» имели шанс чаще всего лишь те, чье поведение было уж совершенно скандальным. Даже работники, явно конфликтующие с начальством, нередко защищались парткомом, профсоюзом, «коллективом», брались на поруки и т.д.

При этом нельзя сказать, что тот же профсоюз был некоей силой, реально противостоящей администрации. В советское время профсоюз был не менее «карманным», чем сейчас; на самом деле работника защищало именно традиционное представление о том, что любой уволенный – это «позорное пятно на коллективе» и фактически свидетельство недоработки власти. Здесь мы можем провести прямую аналогию с положением отца-патриарха, который не может бросить на произвол судьбы даже непутевого сына, если его поведение не выходит за традиционные рамки того перечня проступков, который в социологии относят к так называемой *первичной девиации*.

Заметим, кстати, что даже защита от угрозы безработицы, хотя и гарантировалась в советской конституции, но на самом деле обеспечивалась не юридическими методами (соответствующая конституционная гарантия фактически не была подкреплена четкими правовыми стандартами), а скорее идеологическими традиционными установками, господствующими в культуре тогдашнего общества, и, разумеется, соответствующим экономическим строем.

При этом советские механизмы социальной защиты были вписаны в сложную систему всеобъемлющего властного контроля за поведением человека: оборотной стороной социальной защищенности советских граждан был «отеческий» надзор за ними (уголовное преследование за тунеядство, принудительное лечение от алкоголизма, формальная и полуформальная деятельность партийных, профсоюзных, молодежных и прочих идеократических организаций в сфере социального контроля над личностью, «товарищеские суды» и т.д.).

Строго говоря, советский вариант социальной политики базировался не на принципах социальной защиты, а на принципах социальной опеки. Именно эта особенность советского общества, а отнюдь не объем социальных выплат и гарантий в первую очередь проводит границу между прежней социальной политикой и ее современной моделью, ориентированной на реализацию так называемых «субсидиарных» принципов [5, с. 44].

Говоря о трудностях перехода от одной системы социальной защиты к другой, необходимо иметь в виду не только «дистанцию» между прежними и новыми принципами, на которых строятся эти системы. Само представление о дистанции незаметно редуцирует рассматриваемую проблему до уровня «социальной механики», выводя на первый план вопросы о необходимости

особой «политической воли к реформам» или, напротив, о желательности «постепенной трансформации». Между тем, возможно, гораздо более важная проблема связана с опасностью негативной конвергенции двух систем, при которой появляющиеся институциональные «гибриды» соединяют в себе далеко не самые функциональные характеристики исходных социальных моделей. Подчеркнем, что такие «гибриды» возникают не столько из-за противоречий в законодательстве, сколько из-за наложения новых правовых стандартов на старую культуру. При этом речь идет как о культуре граждан, являющихся адресатами социальной политики, так и о культурных установках элитных и, в особенности, бюрократических групп, от которых зависит реализация этой политики.

Так, многие формы социальной защиты (к примеру, пособия по безработице), взятые изолированно, вне системы идеократического контроля над личностью, могут провоцировать фактическое иждивенчество: в нашем культурном контексте (особенно в провинции) человек, «сидящий на пособии» и имеющий некоторые, пусть небольшие, возможности для получения дополнительных доходов, отнюдь не всегда воспринимает себя в качестве неудачника. И это его мнение довольно часто поддерживают окружающие, выросшие в условиях патерналистской системы. Современной России приходится пока только нащупывать варианты решения этого своеобразного парадокса современного социального государства: тотальный патернализм в таком государстве невозможен, а серьезная реализация принципа социальной защищенности граждан в нашем культурном контексте иногда действительно может оборачиваться социальным иждивенчеством.

С другой стороны, если говорить о государственных и муниципальных структурах, непосредственно отвечающих за реализацию социальной политики, вполне можно констатировать наличие взрывоопасной смеси из классического «западного» подхода к *сущности и объему* социальной защиты (разумеется, с поправкой на бедность нашего государства) и традиционно патерналистского *стиля* оказания публичных услуг в этой сфере. Столь же нестандартно сочетание «карманных» профсоюзов («советский» признак) с отсутствием или ослаблением традиционалистских, внеправовых барьеров, ограничивающих свободу рук предпринимателей и администрации предприятий («западный» признак).

Список литературы

1. **Савченко, П.** Человеческая доминанта в современных условиях / П. Савченко, М. Федорова // *Экономист*. – 2009. – № 3.
2. **Беляева, Л. А.** Социальная стратификация и бедность в регионах России / Л. А. Беляева // *Социологические исследования*. – 2006. – № 9.
3. **Петросян, Д.** Экономический эгоизм и гуманизация экономики / Д. Петросян, Н. Фаткина // *Вопросы экономики*. – 2010. – № 8.
4. **Константинова, Л. В.** Социальная политика: штрихи к социологической концепции // *Социологические исследования*. – 2005. – № 2.
5. **Любимцев, Ю.** Социальная реформа «субсидиарного государства» / Ю. Любимова, Е. Быкова // *Экономист*. – 2010. – № 12.

Воробьев Владимир Павлович

доктор социологических наук,
профессор, кафедра государственного
управления и социологии региона,
Пензенский государственный
университет

E-mail: vvp@sura.ru

Vorobyov Vladimir Pavlovich

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of public administration
and regional sociology, Penza
State University

УДК 334.02

Воробьев, В. П.

Трансформация института социальной политики в условиях перехода к новой социально-экономической системе / В. П. Воробьев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 192–197.